

«КАК ТЕПЕРЬ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОЛЕТЕТЬ И СДЕЛАТЬСЯ ГЕРОЕМ СТРАТОСФЕРЫ...» ПАРАМИЛИТАРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕРОИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ (1930-е гг.)

А.И. Савин

Аннотация. Статья посвящена феномену героизации советской молодежи в 1930-е гг. На основании архивных документов, выявленных в ГАРФ и РГАСПИ и впервые вводимых в научный оборот, исследуется создание военно-спортивной среды, позволявшей осуществлять героизацию молодежи в массовых масштабах. В качестве действенного инструмента «making of heroes» рассматривается парамилитаристская организация Осоавиахим, действовавшая в тесном контакте и под руководством ЦК ВЛКСМ. Структурно статья состоит из двух частей. В первой части содержится короткий очерк эволюции парамилитаристской деятельности в СССР в 1920–1930-е гг., а также статистические сведения, позволяющие оценить главные направления и масштабы военно-спортивной подготовки молодежи. Во второй части анализируются основные составляющие парамилитаризма как «питательной среды» формирования юных героев. Выделяются основные составляющие этой специфической среды, такие как формирование милитантности молодежи в результате непосредственного контакта с оружием и военной техникой, смертельные риски для жизни и здоровья, «героический» дискурс и семиотика, возникновение архетипов героев-комсомольцев, в первую очередь парашютистов. В заключении делается вывод о том, что высокая потенциальная возможность приобщиться к сонму советских героев наикратчайшим путем установления военно-спортивного рекорда была крайне привлекательной для огромных масс юношей и девушек.

Ключевые слова: СССР, герои, героизация, молодежь, Осоавиахим, комсомол, парамилитаризм, милитантность, военный спорт.

“OH, HOW I WOULD LIKE TO FLY AND BECOME A HERO OF THE STRATOSPHERE...” PARAMILITARISM AS AN INSTRUMENT OF THE SOVIET YOUTH HEROIZATION IN 1930s

A.I. Savin

Abstract. The article describes the phenomenon of the Soviet youth heroization during the 1930s. Using archived documents, discovered in State Archive of the Russian Federation (GARF) and Russian State Archive of the Socio-Political History (RGASPI) and introduced to the scientific circulation for the first time, the author focuses on the creation of the military sport conditions which allowed youth heroization to occur on the massive scale. As a case example of “making of heroes,” the author used paramilitaristic organization Voluntary Society for Support of Defense, Aviation and Chemical Industries (OSOAVIAKHIM) which closely cooperated and functioned under the Central Committee of All-Union Leninist Young Communist League (CK VLKSM). Structurally the article consists of two parts. The first part contains the short review of the evolution of the paramilitaristic activity in the USSR during the 1920s–1930s and also statistical data allowing to estimate the main direction and scale of the military sport training of the Soviet youth. The second part of the article analyzes the main components of the paramilitarism as a “nutritional medium” for the emergence of the young heroes. Some of the main components of this specific medium are the formation of the military-minded youth as a direct result of the close contact with weapons and military equipment, lethal risks for life and health, “heroical” discus and semiotics, the formation of the Komsomol heroes archetype, firstly paratroopers. In conclusion: highly probable and quickest opportunity to join the host of the Soviet heroes by setting the military sport record was very appealing to the huge masses of young boys and girls.

Keywords: USSR, heroes, heroization, youth, OSOAVIAKHIM, Komsomol, paramilitarism, militancy, military sport.

*Ламартин говорил, что конь — пьедестал героя.
А в наше время пьедестал героя — аэроплан!*

Лев Кассиль

Героизм был одним из краеугольных камней советской системы и базовых элементов ее культурного кода, а герой войны и труда — главной ипостасью советского человека. Конструкт советского героизма формировали три составляющие: героизм как средство мобилизации масс, как эффективный социальный лифт, а также как модус социокультурной адаптации и идентификации личности с ценностями «советского модерна». Власть прекрасно осознавала ценность героизма и героев: не случайно Сталин призывал «по-советски ценить людей по их подвигам» [Невежин, 2011, с. 421].

Архетип советского героя сформировался в 1930-е гг., тогда же были заданы эталонные образцы героического поведения. Плеяда сталинских героев обладала специфической чертой: советский герой был очень молод. В основе этого феномена лежали как объективные, так и субъективные причины. В 1920-е гг. произошло существенное «омоложение» населения Советской России. Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., в РСФСР проживало свыше 20 млн. юношей и девушек в возрасте от 15 до 24 лет, что составляло около 25% населения республики. Если же учитывать возрастные группы от 10 до 14 лет и от 25 до 29 лет, то к молодежи относилось около 40% всего населения Советской России [Всесоюзная перепись населения..., 1928, с. 8–13]. Соответственно демографическим изменениям объективно увеличилась роль, которую молодежь стала играть в обществе и государстве. Кроме того, большевики обоснованно полагали, что именно на молодежь, еще не отравленную «ядом капитализма», они могут положиться в гораздо большей степени, чем на все остальные группы постреволюционного общества. Молодежь не должна была сомневаться в правильности политики, проводимой руководством РКП(б)/ВКП(б), ей предназначалось расти беззаветно преданной революционным и коммунистическим идеалам и стать главным источником рекрутирования советских героев.

Настоящая статья посвящена изучению механизмов героизации советской молодежи 1930-х гг. на примере массовой военно-спортивной деятельности парамилитаристской организации Осоавиахим в симбиозе и под руководством ВЛКСМ. Исследовательская литература об Осоавиахиме насчитывает сотни наименований, но в основном она либо морально устарела, либо написана в традиционном позитивистском ключе. Настоящим прорывом в изучении советского парамилитаризма стали цикл статей и монография О.Ю. Никоновой, посвященные военно-патриотическому воспитанию советской молодежи как технологии социальной мобилизации и институциональным основам военно-спортивной деятельности [Никонова, 2010]¹. Никонова исследовала официальный советский патриотический дискурс и сделала важный вывод о том, что патриотический этос молодежи

---

¹ Из статей см. например: [Никонова, 2011, с. 192–210].

базировался на культе героев, тесно переплетенном с технократическим символизмом и милитантностью. Кроме того, как считает Никонова, «героические образцы выступали также в роли идеальных гендерных репрезентаций и тесно соприкасались с дискурсом о здоровом образе жизни, спорте и культурности» [Никонова, 2018, с. 55]. Результаты, достигнутые О.Ю. Никоновой, открывают новые перспективы и ракурсы изучения советского парамилитаризма, в первую очередь его дуальной роли как инструмента и среды формирования молодых советских героев.

КОМСОМОЛ И ВОЕННО-СПОРТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ

Физкультура и спорт являлись для комсомольцев как средством формирования нового современного человека в духе идеологии Просвещения, так и инструментом, который позволял бы сделать деятельность комсомола более привлекательной для «несоюзной» молодежи, «окомсомолить ее». Именно вторая задача была для комсомола главной в годы нэпа. Отсюда же вытекало стремление устранить потенциальных конкурентов на «физкультурно-спортивном» поле, таких как скаутов. В проекте резолюции ЦК РКСМ о физкультуре (1923 г.) еще допускалась деятельность частных спортивных обществ, но их членами должны были быть исключительно представители рабочей молодежи. Эти общества обязывались полностью обеспечивать из своих средств все необходимое для занятий физкультурой, их устав утверждался и регистрировался местными советами физической культуры, которые, наряду с комсомольскими организациями, выступали главным контролирующим органом [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 5, л. 112].

Несмотря на существование уже в начале 1920-х гг. молодежных военно-спортивных организаций, так называемых «военспортов», военная работа комсомола в годы нэпа носила эпизодический характер. Собственно парамилитаристская деятельность в 1920-е гг. оставалась на втором плане, сводясь к организации разовых мобилизаций комсомольцев в РККА и флот,¹ а также допризывной подготовке молодежи. Определенный толчок военно-спортивной работе комсомола дала военная опасность 1927 г. В конце 1920-х гг. руководство комсомола подвергло резкой критике «чрезмерное увлечение различными соревнованиями и состязаниями», «уклон в сторону чистого спорта и профессионализма», «попытку замкнуться в узкие физкультурные рамки» в ущерб массовым простейшим формам физкультуры, связанным с социалистическим трудом, бытом и идеологией.

В ходе сталинской «революции сверху» военно-спортивная деятельность стала приобретать все большее значение, началась ее институционализация в условиях расширения государственного финансирования. 20 декабря 1929 г. бюро ЦК ВЛКСМ

---

¹ Так, в 1924 г. помощник Наркомвоенмора по морским делам просил ЦК РКСМ мобилизовать во флот четыре тыс. комсомольцев. См.: [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 11, л. 217].

во исполнение решений ЦК ВКП(б) о дальнейших путях советского физкультурного движения приняло постановление «мобилизовать все организации комсомола на работу по реализации этих решений в жизнь», в первую очередь решения о централизованном государственном руководстве физкультурой [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 63, л. 96].

Параллельно, в условиях разворачивающейся милитаризации советского общества, физкультура и спорт уже напрямую были увязаны с военизацией. В этой связи комсомол поставил перед собой амбициозные цели. 21 ноября 1929 г. ЦК ВЛКСМ огласил задачу, сделать из каждого комсомольца «передового бойца для Красной Армии», превратить комсомол в двухмиллионную армию бойцов. В 1929–1930 гг. военному делу планировалось обучить не менее 300 тыс. комсомольцев, вводилось обязательное военное обучение членов коммунистического союза молодежи. Каждый комсомолец еще до военной службы должен был овладеть «искусством меткой стрельбы» и изучить одну из военных специальностей. Во исполнение этого решения по всей стране осуществлялась массовая подготовка «ворошиловских стрелков», значкистов ГТО и ГПВХО, была развернута сеть аэроклубов. Кроме того, комсомольцы выступали главным источником комплектования военно-учебных заведений: например, в 1929 г. они составили 53,4% от всех принятых [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 62, л. 59].

Уже в марте 1931 г. бюро ЦК ВЛКСМ констатировало значительное увеличение охвата комсомольцев военным обучением, повышение качества самого обучения, постепенный переход от военных кружков к учебным пунктам, рост процента комсомольцев в Осоавиахиме и РОКК. Тем не менее, еще целый ряд территорий – Урал, Нижняя Волга, Северный Кавказ, Крым, Западная и Восточной Сибирь – назывались в числе «особо отстающих» в деле всеобщего обязательного военного обучения комсомольцев [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 91, л. 46]. В частности, Сибирь еще не перестроила военное обучение с кружковой системы на систему учебных пунктов. В 1932 г. эта ситуация сохранилась: в постановлении бюро Запсибкрайкома ВЛКСМ «О состоянии и задачах военной подготовки комсомольцев Западно-Сибирской организации» состояние военной подготовки комсомольцев края было признано неудовлетворительным. Несмотря на положительные сдвиги, плановые цифры были выполнены в лучшем случае на 40–50% [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1011в, л. 69].

Каких результатов ВЛКСМ и Осоавиахим удалось достичь уже в 1933–1934 гг., наглядно свидетельствуют сообщения А.В. Косарева И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову от 11 февраля 1935 г. [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1095, л. 27–29], а также рапорт секретаря ЦК ВЛКСМ П.С. Горшенина секретарю ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову об успехах комсомола в «работе по военному и физкультурному обучению комсомольцев и молодежи» от 15 апреля 1935 г. [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1095, л. 110–111]. Всего за два года было подготовлено 760 тыс. ворошиловских стрелков первой ступени и 5 тыс. стрелков – второй ступени, мастеров и снайперов. Молодыми стрелками было установлено 7 всесоюзных рекордов. Кроме того, был подготовлен 1 млн. 207 тыс. значкистов ГТО первой ступени. Аэроклубы выпустили 860 пилотов,

подготовленных без отрыва от производства, в первые месяцы 1935 г. пилотированию обучалось 3 682 человека (из них 3 555 без отрыва от производства). Пилотами планеров стали 19 363 человека, еще 35 500 учились пилотировать в 1935 г.

Экзамены на знание авиационного мотора по 55-ти часовой программе сдали 42 тыс. человек. Быстрыми темпами развивался парашютный спорт — 461 тыс. человек совершили прыжок с парашютной вышки, 9 тыс. — с самолета. Такую разницу Косарев объяснял исключительно резкой нехваткой парашютов в условиях, когда «комсомольцы месяцами ждут очереди» совершить прыжок. Около полумиллиона детей и подростков занимались авиамоделизмом. Росла материальная база военно-спортивной деятельности: за отчетный период было создано 110 новых аэроклубов с 603 самолетами, построены и оборудованы сто десять 25–30-ти метровых вышек, открыто 10 планерных школ, 231 планерная станция и 1 743 кружка с 1 560 планерами, организованы 150 авиамодельных кабинетов и 24 лаборатории. Планеристы СССР являлись обладателями 8 из 12 мировых рекордов, парашютисты — 6 из 8 мировых рекордов, авиамоделисты также установили 6 мировых рекордов.

Промежуточные итоги военно-спортивной подготовки, не связанной с небом, также впечатляли: 910 тыс. комсомольцев и представителей «несоюзной» молодежи изучили основы топографии, 790 тыс. сдали зачет на знание автотракторного двигателя (по 30-ти часовой программе), 250 тыс. комсомольцев овладели знаниями и навыками по «уходу и сбережению коня», 486 тыс. человек, преимущественно девушки, получили значок «Готов к санитарной обороне».

Планы на 1935 г. предполагали, наряду с массовой первоначальной военно-спортивной подготовкой, совершенствование полученных знаний и навыков: теперь акцент делался на подготовке ворошиловских стрелков 2-й ступени, снайперов, мастеров стрелкового дела, значкистов ГТО и «Готов к санитарной обороне» 2-й ступени, парашютистов, прыгнувших с самолета, пилотов, «планеристов-парителей», мотористов, водителей автомашин, химиков и санитаров.

Все упиралось в ресурсы. Как отмечал Косарев в вышеупомянутой записке Сталину и Ворошилову, ВЛКСМ и Осоавиахим доставали деньги на содержание аэроклубов «всякими, в большинстве незаконными путями (сборы, отработки, выпрашивают у директоров и т.д.)». Косарев просил, чтобы государство платило аэроклубам 3 000 руб. (примерно половину стоимости подготовки одного пилота) за каждого подготовленного пилота после сдачи государственного экзамена и 1 500 руб. ежегодно — за тренировочные полеты (25 часов минимум). Таксу подготовки парашютиста (пять прыжков с различной высоты ночью и днем, знание подрывного дела и пулемета) Косарев предлагал установить в размере 500 руб. Это помогло бы укрепить аэроклубы и в разы ускорить подготовку летчиков: «Геринг хочет иметь в Германии 40 тыс. летчиков. Мы должны подготовить гораздо больше и лучшего качества». Деньги нужны были не только на автотранспорт для аэроклубов и

запчасти для осовавиахимовских самолетов: каждый парашют стоил 3 500 руб., а единственный прыжок обходился в 40 руб. Косарев просил удешевить цену комплекта парашюта до 1 000 руб., передать Осоавиахим в 1935 г. 300 боевых, 600 тренировочных и 600 учебных парашютов, а также выделить аэроклубам 60–100 легких машин типа истребителей [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1095, л. 27–29]. В ответ ЦК ВЛКСМ, «придавая огромное значение парашютизму в грядущей войне», предлагал своими силами организовать «из лучших парашютистов коммунистов и комсомольцев специальную, совершенно секретную школу по подготовке из них работников в тылу неприятельских армий (диверсантов, разведчиков, знающих подрывное дело, языки и т.д.)» [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1095, л. 29].

В феврале 1937 г. ЦК ВЛКСМ и ЦС Осоавиахима констатировали, что в 1936 г. за счет развертывания работы аэроклубов, массовой подготовки «ворошиловских стрелков» 2-й ступени и значкистов ГПВХО, а также подготовки танкистов, были достигнуты существенные успехи в военно-спортивной деятельности [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 170, л. 22]. Только за 1936 г., несмотря на высокую аварийность, большой отсев в процессе учебы, низкое качество теоретической подготовки и т.д., 8 450 комсомольцев стали пилотами, 1 000 – инструкторами-летчиками, 18 000 – парашютистами, 17 000 – планеристами, еще 903 человека овладели другими авиационными специальностями [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 170, л. 23]. К 1937 г. насчитывалось уже около пяти млн. значкистов ГПВХО, в том числе 138 490 значкистов были подготовлены за 1936 г. За этот же год значки ворошиловских стрелков 2-й ступени получили 51 385 чел.

Планы комсомольского руководства были еще более масштабными. Например, за 1937 г. планировалось подготовить 82 000 ворошиловских стрелков 2-й ступени, 5 000 мастеров по боевой винтовке, 4 000 снайперов 1-го класса, 6 000 снайперов 2-го класса, 400 человек младших инструкторов и инструкторов по снайпингу, а также 10 400 инструкторов по стрелковой подготовке первого и второго разрядов [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 170, л. 28]. В целом же в 1937 г. вся молодежь 1915 и 1916 гг. рождения должна была пройти 120-часовую и 80-часовую программу допризывной подготовки. Кроме того, согласно решения ЦК ВКП(б) от 17 мая 1937 г., комсомол отобрал 6 779 комсомольцев для учебы в летных и технических школах ВВС РККА, в том числе 2 401 были отобраны как будущие пилоты, 850 – летчики-наблюдатели и 3 449 – авиатехники [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1212, л. 66].

В условиях резкого сокращения численности РККА в годы нэпа, иностранные военные и политики не без оснований, как отмечает О.Ю. Никонова, подозревали советское руководство в создании в лице Осоавиахима «тайной» Красной армии или, по меньшей мере, «младшего брата» советских вооруженных сил [Никонова, 2011, с. 192–210]. Но даже такие темпы военизации молодежи расценивались руководством ВЛКСМ как крайне недостаточные. В сентябре 1937 г. секретарь ЦК ВЛКСМ П.С. Горшенин, отвечавший за вопросы оборонно-массовой работы среди молодежи, был произведен в комбриги и назначен председателем Центрального совета Осоавиахима, сменив на посту комкора Р.П. Эйдемана.

Последний, с точки зрения Косарева, не соответствовал своей должности. 19 января 1937 г. Косарев направил секретарям ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и А.А. Андрееву докладную записку о «неудовлетворительном состоянии» кадров Осоавиахима, с предложением назначить комиссию «по проверке всех кадров Осоавиахима».¹ Можно утверждать, что вплоть до ареста Горшенина в октябре 1938 г. руководство ВЛКСМ расценивало военно-спортивную подготовку молодежи исключительно как свою вотчину.

С введением всеобщей воинской обязанности 1 сентября 1939 г. и началом массовых призывов молодежи на действительную военную службу значение парамилитаристской подготовки стало уменьшаться и отошло на второй план. Свою роль в этом сыграло также снижение призывных возрастов с 21 года до 19 лет, а для окончивших полную среднюю школу – до 18 лет. Тем не менее, военно-спортивная деятельность, даже в условиях перехода к кадровой армии и развития новых видов вооружения и боевой техники, продолжала оставаться важной составляющей милитаризации советского общества как минимум вплоть до начала Великой Отечественной войны.

СПОРТИВНАЯ МОЛОДЕЖЬ В РОЛИ СОВЕТСКИХ ГЕРОЕВ 1930-Х гг.

В СССР в начале 1930-х гг. произошла смена парадигмы образа героя: типаж героя-мученика уступил первое место герою-созидателю, герою-деятелю, который, хотя и совершает свои подвиги зачастую с риском для жизни, совсем не обязательно должен погибнуть [Савин, 2015, с. 56–82]. Смена парадигмы была обусловлена празднованием достижений СССР, где герои были призваны наглядно воплощать собой успехи советской державы. Катриона Келли пишет о начале 1930-х гг.: «Создается целая индустрия по производству героев. Описание их подвигов вовсе не предполагало правдивого отображения действительности: подобно святым из легенд [...], эти герои должны были вызывать чувство восхищения, внушать благоговение перед их безоговорочной преданностью идеалам» [Келли, 2009, с. 17].

На роль новых советских героев как нельзя лучше подходила молодежь. Юноши и девушки, детство которых пришлось на революцию и гражданскую войну, мечтали о своих собственных героических свершениях, не желая оставаться в тени старших поколений. В этой ситуации военно-спортивная деятельность являлась кратчайшим путем к известности и славе, той магической палочкой, которая позволяла молодому советскому человеку примерить на себя роль героя. Не стоит также забывать о резком контрасте между тяжелой жизнью большинства советских граждан и бытием геройской плеяды, которое представало все более блестящим со страниц газет и кадров кинохроники. В этой ситуации героизм представлял собой эффективный социальный трамплин. Даже такой критически настроенный наблюдатель,

---

¹ О личной роли Косарева в развитии советского спорта в 1930-е гг. см. подробнее: [Kaiser, 2017].

как М.М. Пришвин, записал в своем дневнике 8 октября 1933 г.: «Как теперь хотелось бы полететь и сделаться героем стратосферы. И это очень многие... Жизнь такая ужасно нудная, а тут вот пример такого блестящего выхода. И, кажется, будто есть какая-то возможность, какое-то кольцо потянешь, ухватиться и полететь» [Пришвин, 2009, с. 308].

Именно парамилитаристская деятельность предлагала юношам и девушкам в мирной жизни широкие возможности, «потянуть кольцо», «ухватиться и полететь». Об этом наглядно свидетельствует комплекс наградных документов, выявленных нами в РГАСПИ (фонды ЦК ВЛКСМ) и ГАРФ. Универсальным методом оказаться в плееде сталинских героев было установление рекордов, в первую очередь в сфере парашютного спорта. Последний, как писал А.В. Косарев в 1935 г. в своем письме Сталину, становился «любимым спортом [советской] молодежи». В январе 1933 г. постановлением ЦК ВЛКСМ и ЦС Осоавиахим парашютный спорт был включен в программу учебно-спортивной деятельности военно-спортивного общества, в феврале 1933 г. состоялись первые показательные прыжки на лед Москвы-реки, в 1934 г. было учреждено звание «Мастер парашютного спорта СССР», а в 1935 г. последовали первые громкие награждения.

11 февраля 1935 г. Косарев приложил к своему письму Сталину и Ворошилову перечень «парашютистов, планеристов и инструкторов парашютного и планерного дела, представляемых ЦК ВЛКСМ к награждению орденами Советского Союза». Большинство из 16 человек, представленных к награждению, составляли опытные мастера парашютного спорта М.Г. Забелин, Н.А. Евдокимов, К.Ф. Кайтанов, Г.А. Шмидт, отцы-основатели ВДВ Л.Г. Минов и Я.Д. Мошковский и другие. Но были среди них и совсем юные комсомольцы: 19-летний парашютист В.Н. Чекорин, 19-летняя парашютистка Н.А. Камнева, 23-летняя парашютистка О.Н. Яковлева, 24-летний парашютист П.П. Балашев, 25-летний мастер планерного спорта и рекордсмен С.Н. Анохин, 25-летний планерист Н.Я. Симонов [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1095, л. 30–35].¹

Путь от первого прыжка с парашютом до первого ордена мог быть очень коротким. Парашютная подготовка не требовала столько времени и умения, как подготовка высококлассного летчика. Недостаток опыта молодые комсомольцы и комсомолки с лихвой восполняли беззаветной храбростью. Темпы представления парашютистов к наградам сравнимы со скоростью награждения советских космонавтов. По сути, летчики и парашютисты занимали в 1930-х гг. ту же самую нишу, что и

---

¹ 4 мая 1935 г. ЦИК СССР «за выдающиеся заслуги в развитии парашютизма, за многократное проявление смелости, отваги и мужества при проведении как обычных, так и затыжных и экспериментальных прыжков с парашютом с различного положения самолета, днем и ночью, за установление ряда мировых рекордов» наградил орденом Ленина Н.А. Евдокимова, В.Н. Евсеева, Н.А. Камневу, К.Ф. Кайтанова, Л.Г. Минова и В.Ф. Федорову. Ордена Красной Звезды были удостоены В.А. Александров, П.П. Балашев, М.Г. Забелин, А.М. Лукин, Я.Д. Мошковский, Б.Н. Петров, Л.С. Савченко, П.П. Стороженко, В.Н. Чекорин и О.Н. Яковлева. Грамотами ЦИК СССР и ценными подарками были награждены одиннадцать летчиков, парашютистов и планеристов, среди них будущий Герой Советского Союза летчик-испытатель С.Н. Анохин.

космонавты в 1960–1970-е гг. Так, 17 июня 1935 г. группа в составе шести парашютисток совершила групповой прыжок с высоты 7 035 метров, установив новый мировой рекорд парашютного прыжка без кислородного баллона. Спустя всего лишь четыре дня генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, «придавая большое политическое значение этому рекордному прыжку девушек-парашютисток», направил Сталину ходатайство о награждении рекордсменок орденами Красной Звезды и грамотами ЦИК СССР. 20-летняя чертежница Экспериментального института А.Н. Николаева на тот момент совершила 26 прыжков, 23-летняя М.Н. Барцева, 20-летняя Н.В. Бабушкина, 22-летняя М.Г. Малиновская, 22-летняя С.П. Блохина, комсомолки и студентки Института физической культуры, имели на своем счету соответственно 8, 14, 12 и 8 прыжков. Самая опытная из девушек, 23-летняя О.Н. Яковлева, комсомолка и инженер авиазавода № 39, имела 43 прыжка, и в мае 1935 г. она уже была награждена орденом Красной Звезды [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1096, л. 35–36].

Следующий мировой рекорд парашютного прыжка без кислородного баллона был установлен уже 2 августа 1935 г. (высота 7 923 м.), и Косарев в этот же день направил на имя секретарей ЦК ВКП(б) И.В. Сталина и А.А. Андреева очередное награжденное представление к ордену Красной Звезды. Награждению подлежали комсомолки и студентки 3-го курса Московского института физической культуры, 20-летняя Г.Б. Плясецкая и 22-летняя А.А. Шишмарева [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1096, л. 120]. Постановление ЦИК СССР о награждении девушек было принято 5 августа 1935 г. и приурочено к Первому всесоюзному слету спортсменов-парашютистов [Ивонин и др., 1980].

Рекордам в воздухе вторили рекорды, установленные на земле, причем по своей экстремальности вторые иногда превосходили первые. 8 мая 1935 г. Косарев адресовал Сталину записку о награждении орденами СССР комсомольцев, младших командиров 67-го железнодорожного полка НКВД А.Е. Шевченко, А.П. Куликова, К.Н. Бражникова и Е.Ф. Егорова, совершивших под руководством инструктора физической подготовки полка И.Г. Попова лыжный переход по маршруту Байкал-Туруханск-Салехард-Усть-Цильма-Архангельск-Мурманск. Отправившись в поход 30 ноября 1934 г. от пристани Нижне-Ангарск, лыжники преодолели около 9 000 тыс. км, доказав, «что пространства сурового Севера, считавшиеся непреодолимыми, можно преодолеть на лыжах при соответствующей предварительной тренировке бойца». Кроме того, как считал Косарев, лыжниками был установлен мировой рекорд «не только по дальности, но и по трудности перехода» [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1095, л. 163–164].

Различного рода лыжные переходы, походы по рекам и авто- и мотопробеги, участников которых могли отметить высокой правительственной наградой, стали настоящей модой времени. Возможность обратить на себя благосклонное внимание руководства страны и приобщиться к сонму орденосцев не упускали даже советские элиты. На рисунке А.Н. Яр-Кравченко «Мотоциклетный пробег жен инженеров» изображены участники женского мотоциклетного пробега Ижевск-Москва

1936 г. В этом пробеге приняли участие 15 молодых женщин (в том числе восемь жен начальников цехов, конструкторов и инженеров) и семь мужчин во главе с А.А. Чекмаревой и А.И. Чекмаревым – женой и сыном директора Ижевского мотоциклетного завода им. Всесоюзного общества «Автодор» И.И. Чекмарева. Пробег протяженностью 1 600 км. состоялся в августе 1936 г.

23 декабря 1936 г. ЦИК Удмуртской АССР выступил с ходатайством о награждении четырех участников пробега орденом «Знак Почета» и одиннадцати – грамотой ЦИК СССР. По мнению ходатая, «пробег сыграл большую роль в развертывании физкультурной работы и оборонного дела в Удмуртии». Так как к марту 1937 г. решение о награждении не было принято, последовало очередное представление, на этот раз уже от имени ЦК союза автомобильной промышленности. Руководители профсоюза попытались разыграть гендерную карту, ходатайствуя о награждении всех женщин, участниц пробега, орденом «Знак Почета»: «Этот побег лишний раз показал, что могут сделать советские освобожденные женщины советской социалистической страны, воспитанные под руководством партии Ленина–Сталина. Жены ИТР и стахановки мотоциклетного завода сумели в короткий срок овладеть сложной техникой управления мотоциклом и совершили этот пробег с результатом, достойным всяческих поощрений» [ГАРФ, ф. 3316, оп. 30, д. 932, л. 1–4].

В ноябре 1937 г. с ходатайством о награждении орденами СССР участников байдарочного похода Кабардино-Балкарская АССР-Москва выступил секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Б.Э. Калмыков и председатель облизполкома И.О. Черкесов. Поход в честь 20-летия Октябрьской революции стартовал 18 июля 1937 г. от г. Нальчика. Девять спортсменов во главе с командором похода Д. Чеченовым прошли 4 867 км/ по рекам Урвань, Терек, Каспийскому морю, Волге и каналу Волга-Москва. Ходатайство о награждении поддержал также Председатель Всесоюзного Комитета по делам физкультуры и спорта А.В. Зеликов, поскольку «отважные байдарочники» совершили поход, «демонстрируя свою преданность партии и правительству» [ГАРФ, ф. 3316, оп. 30, д. 650, л. 1–3].

«Чистые» спортсмены также вносили свою лепту в героизацию военно-спортивной деятельности. Постановлением ЦИК СССР от 22 июля 1937 г. орденами Ленина были награждены спортивные общества «Динамо» и «Спартак», из спортсменов ордена Ленина удостоился Н.П. Старостин, орденом Трудового Красного Знамени были награждены восемь человек, орденом «Знак Почета» – 38 человек [ГАРФ, ф. 3316, оп. 30, д. 619, л. 1]. Как писали 31 мая 1938 г. М.И. Калинину исполнявший обязанности председателя Центрального Совета физической культуры С.Л. Привис, его заместитель В.Ф. Кулаков и ответственный секретарь Н.П. Старостин, «высокая награда вызвала громадный энтузиазм советских физкультурников и была принята как знак исключительного внимания партии и правительству к советскому спорту». Награды спортсменам должны были вручить 17 августа 1937 г., после возвращения советской делегации с Антверпенской рабочей олимпиады, где «были одержаны все решающие победы, еще выше поднявшие знамя советского спорта». Но этого не произошло – свои коррективы внес Большой террор, поскольку у органов

госбезопасности возникла «необходимость проверки отдельных мастеров спорта». Невручение орденов, писали авторы письма, вызвала «справедливое возмущение всей физкультурной общественности, а также порождает целый ряд оскорбительных заявлений и замечаний по адресу награжденных организаций и мастеров спорта» [ГАРФ, ф. 3316, оп. 30, д. 619, л. 12–13].

Зато у динамовцев таких проблем не было. Приказом НКВД СССР № 491 от 17 ноября 1937 г. за подписью комкора М.П. Фриновского, заместителя Н.И. Ежова, ценными подарками были награждены спортсмены в количестве 160 человек, которые завоевали первые места практически во всех общесоюзных соревнованиях (футбол, хоккей, баскетбол, городки, велосипед, теннис, легкая атлетика, регби, плавание, борьба, фигурное катание, конькобежный спорт и т.д.). Символически возглавляли список 12 чемпионов СССР по стрельбе из нагана, винтовки и мелкокалиберного пистолета [ОГА СБУ, ф. 9, д. 81-СП, л. 64–65].

Празднование рекордов и достижений, высшей точкой которого было официальное вхождение в сонм советских героев посредством награждения, было только одним из составляющих молодежной героической среды 1930-х гг. О неподдельности героизма свидетельствовала реальная опасность для жизни «соискателей» героических званий. Здесь показателен дискурс уже цитировавшегося выше сообщения А.В. Косарева о лыжном походе младших командиров-комсомольцев: «переход совершен в самое холодное время через самые холодные районы», «команда преодолела исключительный по трудности Байкальский хребет, который не проходила ни одна экспедиция в это время года», «по две недели и больше участники перехода не видели жилья, ночуя под открытым небом при морозах, доходивших до 60 градусов и ниже», «были неоднократные случаи, когда жизнь участников перехода подвергалась опасности». На фоне смертельного риска замерзнуть, разбиться при преодолении скалистых хребтов или утонуть в горных реках меркли даже упоминания о «большой политической работе среди населения по разъяснению решений партии и правительства, по работе комсомольских организаций и оборонной работе», проведенной лыжниками [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 23, д. 1095, л. 163–164].

Но «рекордсменами» в области смертельного риска, конечно же, были летчики и парашютисты. В феврале 1937 г. в совместном постановлении ЦК ВЛКСМ и ЦС Осоавиахим скупом упоминалось «о все еще высокой аварийности» в воздухе – в среднем одна авария на 2 500 часов налета, в то время как «во многих аэроклубах самолеты и моторы плохо и несвоевременно ремонтируются. В некоторых клубах нет ангаров» [РГАСПИ, ф. 1-М, оп. 3, д. 170, л. 23]. Гибель пилотов в результате аварий, даже самых опытных, стала притчей во языцех, самым ярким примером здесь является гибель в конце 1938–начале 1939 г. сразу пяти Героев Советского Союза: А.М. Бряндинского, А.А. Губенко, А.К. Серова, П.Д. Осипенко и В.П. Чкалова. Среди парашютистов гибель в ходе прыжков также была не редкостью. В 1939 г. погиб, совершая 502 прыжок с парашютом, один из отцов-основателей советских ВДВ Я.Д. Мошковский. Можно предположить, что гибель юных парашютистов также была достаточно обычным явлением. В дневнике «короля московских

журналистов» Л.К. Бронтмана под датой от 8 апреля 1936 г. приводится подробное описание обстоятельств гибели молодых парашютисток Людмилы Берлин и Тамары Ивановой. Именитые спортсменки, они готовились выполнить рекордный затыжной прыжок с высоты 5 000 метров и обе разбились из-за сбоя оборудования [Бронтман, 1936].

Погибнуть можно было, не только выполняя обещание товарищу Сталину побить мировой рекорд, как в случае с Л. Берлин. Подростки в первую очередь гибли в ходе тривиальных несчастных случаев при обращении с оружием. Одна из статей «Пионерской правды», опубликованная в 1930 г., живописала весьма вольное обращение «союзной» молодежи со стрелковым оружием. «Лагерь открылся выстрелом. Пионер N, балуясь винтовкой, прострелил сердце своего товарища Зуева. [...] Наспех похоронили товарища, вычеркнули его из лагерного списка и... снова с веселым пением, шутками и прибаутками отправились в лагерь». Далее собкор пионерской газеты описывал, как он вместе со спутником на подходе к лагерю наткнулись на двух вожатых-комсомольцев: «Небрежно играя винтовками, направляя их в землю, в небо, куда-то между ног моего товарища, они непрерывно стреляли, точно плевались семечками. — Скучно! Вот и постреливаем». Далее журналистов остановил окрик: «Стой, буду стрелять! [...] Несколько вооруженных ребят с красными галстуками окружают нас и смотрят недоверчиво. Пальцы на “собачках”. Дула недвусмысленно изучают наши животы» [С кем воюете..., 1930]. Всего в Воронежском пионерском лагере на 230 подростков было 78 винтовок, которые являлись неотъемлемой частью лагерного быта. О том, что неосторожное убийство в ходе стрелковой подготовки было обычным делом, свидетельствует заметка все в той же «Пионерской правде», описывающая, как во время военной игры пионеров Хамовнического района Москвы был убит «неорганизованный мальчик» (то есть не пионер) Соколов. Огнестрельное оружие, призывала газета, должно храниться у заведующего хозяйством, и использовать его нужно только для организации стрелковых соревнований под руководством взрослых [Одернуть вояк..., 1930].

Однако риск для жизни отступал на задний план в условиях потенциально скорого практического применения военно-спортивных навыков на полях сражений. Дитмар Нойтатц отмечает, что в 1930-е гг. в СССР «активное ядро общества чувствовало себя как на войне и действовало так, как будто бы оно находится на фронте, неустанно сражаясь с врагами» [Neutatz, s. 157]. Мощным стимулом героизации советской молодежи стали военные конфликты второй половины 1930-х гг. с участием СССР, в первую очередь свое воздействие оказала самая романтическая война той эпохи — гражданская война в Испании. Поэт Евгений Долматовский описывал в записных книжках 1938 г. образ «советского испанца», хорошо узнаваемого на улице по «коричневой кожаной курточке до пояса, с застежкой “молния”, и, что самое главное, с большими орденами, ввинченными в кожу слева над карманом» [Долматовский, 1982, с. 92].¹ «Испанский стиль» было

---

¹ Показательно, что М.М. Пришвин также упоминал «коричневую кожу» как неотъемлемый аксессуар советской «орденоносной личности». См. [Пришвин, 2010, с. 685].

кому продемонстрировать на улицах советских городов. Так, 21 июня 1937 г. К.Е. Ворошилов направил И.В. Сталину и В.М. Молотову наградное представление к званию Героя Советского Союза и награждению орденами СССР «за боевую работу в “Х”» на 451 человека, из них 198 человек уже были награждены за подвиги в Испании [СССР и гражданская война в Испании, 2013, с. 249–250]. 19 октября 1937 г. последовало очередное наградное представление на 346 человек (в том числе 92 – повторно) [СССР и гражданская война в Испании, 2013, с. 298]. Очевидно, это представление было не последним. Кроме того, по просьбе Ворошилова Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило ввоз в СССР автомашин, «полученных нашими людьми в “Х”» в качестве награды от республиканского правительства, а также мотоциклов, приобретенных ими на свои средства, что создавало «испанцам» дополнительный антураж [СССР и гражданская война в Испании, 2013, с. 310].

Военно-спортивная деятельность позволяла комсомольской молодежи применить на себя роль настоящего военного героя. Тот же Е.А. Долматовский вспоминал, как получил в подарок от участника испанской войны кожаную куртку «с условием – в ближайшие два года использовать по назначению дырочки от винтов» (то есть получить ордена!)» [Долматовский, 1982, с. 92]. Большинству комсомольцев было чем занять «дырочки от винтов»: многочисленные оборонные значки с успехом выполняли роль эрзаца орденов и эффективно служили цели репрезентации героизма.¹

Изучение военно-спортивной деятельности комсомола и Осоавиахима дают основание сделать вывод о том, что милитантность в целом и парамилитаризм в частности сформировали в 1930-е гг. специфическую питательную среду для выращивания целого поколения «героической» советской молодежи. Для десятков тысяч юношей и девушек главным предвоенным опытом стал опыт освоения и применения оружия и военной техники еще до службы в армии, а также опыт высоких рисков парамилитаристских экзерсисов для жизни и здоровья. Однако потенциальная возможность приобщиться к сонму советских героев наикратчайшим путем военно-спортивного «рекорда» перевешивала для юношей и девушек все минусы. То, что парамилитаристская модель героического воспитания и мобилизации молодежи оказалась в целом эффективной, продемонстрировала Великая Отечественная война, где жертвенный героизм молодежи зачастую служил средством компенсации слабости советского командования и выправления допущенных им просчетов и ошибок.

---

¹ Не только молодежь, но и взрослое население СССР воспринимало почетные значки как эрзац орденов. Л.К. Бронтман приводит в своем дневнике от 1 ноября 1938 г. рассказ Л.О. Утесова о торжественном заседании в честь 20-летия ВЛКСМ: «[...] в Большом театре собрались за сценой артисты: – Все с орденами. А я нацепил свое единственное отличие – значок железнодорожника и иду. Общее смущение. Все всматриваются, затем – вздох облегчения и радостно: “А, здравствуйте, Леонид Осипович!”. Бронтман констатировал: «Переживает Утесов весьма отсутствие ордена». См. [Бронтман, 1938].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бронтман Л.К. Дневник 1936 г. URL: <http://prozhito.org/> (дата обращения – 15 января 2019 г.).

Бронтман Л.К. Дневник 1938 г. URL: <http://prozhito.org/> (дата обращения – 15 января 2019 г.).

Всесоюзная перепись населения. 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 5. Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. М., 1928, 62 с.; Вып. 7. СССР. М., 1928, 111 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 30. Д. 619.

ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 650.

ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 932.

Долматовский Е.А. Было. М.: Советский писатель, 1982. 800 с.

Ивонин В., Лисов И., Самойленко Я., Маргелов В. Советские воздушно-десантные. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1980. 311 с.

Келли К. Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: НЛО, 2009. 312 с.

Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х–1940-х гг. М.: Новый хронограф, 2011. 560 с.

Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М.: Новый хронограф, 2010. 488 с.

Никонова О.Ю. Как из крестьянки Гайдиной сделать Марину Раскову, или О теории и практике воспитания советских патриотов // Новое литературное обозрение. 2011. № 6 (112). С. 192–210.

Никонова О.Ю. Комсомол, ГТО и военно-патриотическое воспитание молодежи в конце 1920-х–1930-е годы (на примере Уральского региона) // Российская молодежь: от комсомола к современным формам политической организации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Новосибирск, 30–31 октября 2018 г.) Новосибирск: Параллель, 2018. С. 55–64.

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 9. Д. 81-СП.

Одернуть вояк! Без взрослых стрелковым делом не заниматься // Пионерская правда. 1930. № 99. 26 июля.

Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. СПб.: Росток, 2009. 1008 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010. 992 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 1-М. Оп. 3. Д. 5.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 3. Д. 11.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 3. Д. 62.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 3. Д. 63.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 3. Д. 91.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 3. Д. 170.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 1011в.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 1095.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 1096.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 1212.

С кем воюете? От кого обороняетесь? Пионерские гусары из Воронежа // Пионерская правда. 1930. № 101. 30 июля.

Савин А.И. «Мы беззаветные герои все...». Феномен социальной мобильности советского общества в свете его героизации (1920-е–1930-е годы) // Россия. XXI. 2015. № 3. С. 56–82.

СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939. Сборник документов. М.: б.и., 2013. 547 с.

Kaiser P. Das Schachbrett der Macht. Die Handlungsspielräume eines sowjetischen Funktionärs unter Stalin am Beispiel des Generalsekretärs des Komsomol Aleksandr Kosarev (1929–1938). Stuttgart, 2017. 1202 s.

Neutatz D. Träume und Alpträume. Eine Geschichte Russlands im 20. Jahrhundert. C.H. Beck, 2013. 686 s.

REFERENCES

Brontman L.K. *Dnevnik 1936 g.* [Diary 1936]. Available at: <http://prozhito.org/> (accessed 15 January 2019).

Brontman L.K. *Dnevnik 1938 g.* [Diary 1938]. Available at: <http://prozhito.org/> (accessed 15 January 2019).

Vsesojuznaja perepis' naselenija. 17 dekabrja 1926 g. Kratkie svodki. Vyp. 5. Vozrast i gramotnost'. Evropejskaja chast' RSFSR [All Union Population Census 17th of December 1926. Short reviews. Issue 5. Age and literacy. European part of RSFSR]. M., 1928, 62 p.; *Vyp. 7. SSSR [USSR] M., 1928, 111 p.* (in Russian).

State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 3316. Inv. 30. D. 619.

GARF. F. 3316. Inv. 30. D. 650.

GARF. F. 3316. Inv. 30. D. 932.

Dolmatovskij E.A. *Bylo* [It was]. M.: Sovetskij pisatel', 1982. 800 p. (in Russian).

Ivonin V., Lisov I., Samojlenko Ja., Margelov V. *Sovetskie vozdušno-desantnye. Voenno-istoričeskij očerok* [Soviet Airborne forces. Military history essay]. M.: Voenizdat, 1980. 311 p. (in Russian).

Kelli K. *Tovarishh Pavlik. Vzlet i padenie sovetskogo mal'chika-geroja* [Comrade Pavlik. Rise and fall of the soviet boy-hero]. M.: NLO, 2009. 312 p. (in Russian).

Nevezhin V.A. *Zastol'ja Josifa Stalina. Kniga pervaja. Bol'shie kremlevskie priemy 1930-h–1940-h gg.* [Feasts of Joseph Stalin. Volume 1. Grand Kremlin Receptions of 1930s–1940s]. M.: Novyj hronograf, 2011. 560 p. (in Russian).

Nikonova O.Ju. *Vospitanie patriotov: Osoaviahim i voennaja podgotovka naselenija v ural'skoj provincii (1927–1941 gg.)* [Upbringing of the patriots: OSOAVIAKHIM and military training of the population in the Ural region (1927–1941)]. M.: Novyj hronograf, 2010. 488 p. (in Russian).

Nikonova O.Ju. Kak iz krest'janki Gajdinoj sdelat' Marinu Raskovu, ili O teorii i praktike vospitanija sovetskih patriotok [How to make Marina Raskova from peasant Gaidina or About theory and practice of the upbringing of the soviet patriots], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 6 (112). Pp. 192–210 (in Russian).

Nikonova O.Ju. Komsomol, GTO i voenno-patrioticheskoe vospitanie molodezhi v konce 1920-h–1930-e gody (na primere Ural'skogo regiona) [Komsomol, “ready to work and defend” and military-patriotic upbringing of the youth during the end of 1920s-1930s (case of the Ural region), in *Rossijskaja molodezh': ot komsomola k sovremennym formam politicheskoi organizacii. Materialy mezhtregional'noj nauchno-prakticheskoi konferencii (Novosibirsk, 30–31 oktjabrja 2018 g.)* [Russian youth: from Komsomol to modern forms of political organization. Materials of the interregional scientific and practical conference (Novosibirsk, 30–31 October 2018)]. Novosibirsk: Parallel', 2018. Pp. 55–64 (in Russian).
Otraslevoy Gosudarstvennyy Arkhiv Sluzhby Bezopasnosti Ukrainy (OGA SBU). F. 9. D. 81-СП.

Odernut' vojak! Bez vzroslyh strelkovym delom ne zanimat'sja [Pull up the military! No shooting without adults], in *Pionerskaja pravda*. 1930. № 99. July 26 (in Russian).

Prishvin M.M. *Dnevniki. 1932–1935* [Diaries. 1932–1935]. SPb.: Rostok, 2009. 1008 p. (in Russian).

Prishvin M.M. *Dnevniki. 1936–1937* [Diaries. 1936–1937]. SPb.: Rostok, 2010. 992 p. (in Russian).

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 1-M. Inv. 3. D. 5.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 3. D. 11.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 3. D. 62.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 3. D. 63.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 3. D. 91.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 3. D. 170.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 23. D. 1011v.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 23. D. 1095.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 23. D. 1096.

RGASPI. F. 1-M. Inv. 23. D. 1212.

S kem vojuete? Ot kogo oboronjaetes'? Pionerskie gusary iz Voronezha [With whom do fight? From whom you are defending? Pioneer Hussars from Voronezh], in *Pionerskaja Pravda*. 1930. № 101. July 30 (in Russian).

Savin A.I. "My bezzavetnye geroi vse...". Fenomen social'noj mobil'nosti sovetskogo obshhestva v svete ego geroizacii (1920-e–1930-e gody) ["We all are selfless heroes...". Phenomenon of the social mobility in the soviet society in light of its heroization (1920s–1930s)], in *Rossija. XXI*. 2015. № 3. Pp. 56–82 (in Russian).

SSSR i grazhdanskaja vojna v Ispanii: 1936–1939. Sbornik dokumentov. [USSR and Civil war in Spain: 1936–1939. Documents compilation]. M., 2013. 547 p. (in Russian).

Kaiser P. *Das Schachbrett der Macht. Die Handlungsspielräume eines sowjetischen Funktionärs unter Stalin am Beispiel des Generalsekretärs des Komsomol Aleksandr Kosarev (1929–1938).* Stuttgart, 2017. 1202 s. (in German).

Neutatz D. *Träume und Alpträume. Eine Geschichte Russlands im 20. Jahrhundert.* C.H. Beck, 2013. 686 s. (in German).

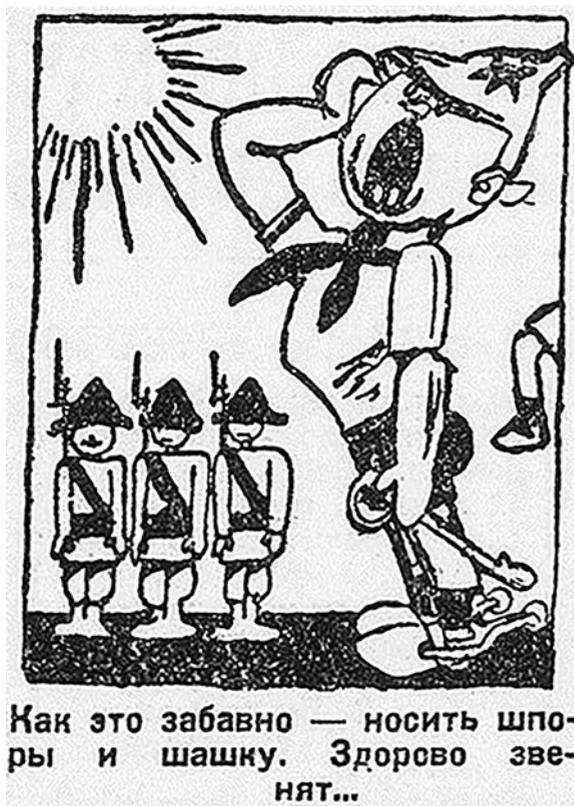

Рис. 1. Пионерская правда. 1930. № 101. 30 июля.

Рис. 2. Рабинович Р. Плакат «Сталин. Спорт». 1933 г.